жение демократического режима. Войска приказом Керенского были остановлены, а Корнилов взят под арест. Вызванный в Петроград Крымов застрелился.

Самоубийство Крымова (вообще его личность) как-то мало привлекало внимание. А это, думается, существенный факт в истории «Корниловщины». Оно может пролить некоторый свет на одну из главных причин ее провала. Перед смертью Крымов написал Корнилову записку. Корнилов читал ее, когда вошедший в его кабинет генерал А. Лукомский спросил: что же написал Крымов? Корнилов ответил, что в ней нет ничего интересного, порвал записку в клочки и бросил их в корзину.

Вряд ли это было правдой. Будь это так, записку не нужно было бы рвать в клочья. Вероятнее всё же, что Крымов упрекал Корнилова в том, что тот слишком «увяз» в политиканстве с Керенским, тогда как следовало действовать против него с максимальной решительностью.

Если это предположение верно (а основания для него есть), то нельзя не признать, что с точки зрения сторонника военной диктатуры генерал Крымов был прав. Да, Корниловское движение не было «обеспечено» партийно-политически. И в этом была его слабость. Но, как вспоминал Троцкий, известия о приближении кавалерийских войск с фронта привели к тому, что «Петроград замер».

Оружие бьет политику. Правая, военно-диктаторская альтернатива в 1917 г. могла реализоваться, ведь и левая, социалистическая альтернатива реализовалась в конце концов во многом благодаря оружию и решительным действиям Ленина, Троцкого и других большевиков.

УДК 94(47).084.1
УДК 94(47).084.2

С. В. Стариков

Левосоциалистическая альтернатива в Великой Российской революции 1917–1918 гг.

Как известно, февральские события 1917 г. послужили только началом революционного процесса. Его демократический этап оказался очень кратковременным. Временное правительство из представителей либерально-демократических партий, а также умеренно-социалистический блок в лице меньшевиков и эсеров достаточно быстро исчерпали

свои идейно-политические резервы. Социалистический (советский) этап революции, начавшийся осенью 1917 г., вершили не одни большевики. В полный голос заявили о себе социалисты левого толка — левые эсеры, эсеры-максималисты, внефракционные социал-демократы — интернационалисты, меньшевики-интернационалисты.

Возникновение левых течений революционной демократии явилось следствием кризиса демократического этапа революции. Под действием всё углубляющихся противоречий между властью и обществом в силу нерешенности важнейших задач революции на политическую арену стали выходить левые силы со своими лозунгами и требованиями. Требование глубокого социального переворота стало их знаменем. Размежевание среди социалистов на местах началось уже весной 1917 г. Отсутствие жестких централистских структур в меньшевистской и эсеровской партиях позволяло левым группам действовать открыто, определять свою платформу в революции. В левых группах объединялись преимущественно максималистски настроенные эсеры и социал-демократы, не имевшие большого стажа партийной деятельности, революционное студенчество, рабочие, средняя и мелкая интеллигенция. После выступления генерала Корнилова судьба революции оказалась в руках радикальных сил — большевиков и левых социалистов. Лозунг «Вся власть Советам!» сплотил все левые течения революционной демократии. К октябрю 1917 г. сложился революционный блок левых сил в центре и на местах. В конце 1917 — первой половине 1918 г. размежевание завершилось расколом. Образовались самостоятельные партии и организации левых социалистов. Они не отличались большой численностью, но имели влияние среди революционных партий, во многом определяли курс местных органов Советской власти после октября 1917 г.

Октябрьские события и последующее «триумфальное шествие Советской власти» оказались возможны и стремительно развернулись во многом благодаря политическому союзу большевиков и левых социалистов. Поэтому между левыми социалистами и большевиками нельзя возводить непреодолимый барьер, как это делалось в отечественной историографии советского периода. Революция поставила их в один революционный поток. Например, в Поволжье оформился достаточно сильный и устойчивый большевистско-левосоциалистический блок. В основе своей он имел общие теоретические и тактические посылки: признание необходимости немедленного перехода к социализму, необходимость свержения старого строя, требование перехода всей власти к советам, интернационалистские позиции в вопросе о войне, углубление революции и решение ею социальных задач, а также в немалой степени личные отношения и связи. И большевики, и левые социалисты нуждались в таком союзе: первые стремились упрочить свои позиции среди крестьянства, средних слоев города, где влияние левых социалистов было больше, ослабить позиции социалистов правого и центристского толка и реализовать свои цели; вторые пытались

упрочить свои «срединные» позиции, весьма шаткие в условиях нараставшего противоборства политических сил, предотвратить гражданскую войну, нейтрализовать наиболее одиозные планы большевизма, реализовать свою платформу. Советский блок левых сил состоялся и во многом определил острие политической борьбы как на этапе взятия власти, так и в период ее упрочения. В таких преимущественно аграрных регионах, как Поволжье, большевики одни не могли ни взять, ни тем более удержать власть. Они опирались на левых социалистов. Последние при этом наряду с большевиками сыграли роль авангарда в победе революции, а не являлись лишь исполнителями воли большевистской партии и возглавляемого ею правительства. Левые социалисты в не меньшей мере были заинтересованы в достижении полного социального переворота и торжестве рабоче-крестьянской революции.

До весны–лета 1918 г. правящая советская коалиция оставалась довольно прочной, особенно на региональном уровне, но по мере упрочения советского строя в большевистско-левосоциалистическом блоке появлялось всё больше трещин. Усиливалась критика внутриполитической линии РКП(б) и Совнаркома со стороны левых социалистов. Камнем преткновения стали два вопроса: о сущности и механизме функционирования советской власти, о путях решения продовольственной проблемы. Вокруг этих и многих других проблем возникла левосоциалистическая альтернатива как совокупность предложений и требований, направленных на изменение политики Совнаркома. Она развивалась как альтернатива большевистскому курсу в Советах, как оппозиция линии РКП(б) во внутренней и внешней политике.

Начавшийся период Гражданской войны с мая 1918 г., с одной стороны, привел к новой мобилизации усилий левых сил по защите советской власти. С другой стороны, он породил июльский политический кризис 1918 г. — первый крупный внутриполитический кризис в Советской России, ставший рубежом в эволюции советского блока, когда закладывалась однопартийная система власти и однопартийная диктатура. Осмысление и изучение этих процессов продолжает оставаться актуальной задачей исторической науки, ибо детальный анализ расстановки политических сил на третьем советском этапе революции позволит более адекватно представить те процессы, которые имели место как в центре, так и на периферии.

Следует обратить внимание на левосоциалистическую концепцию революции. Левый фланг революционной демократии дал свое толкование революции, ее целей и значения. Платформа левых социалистов не была чем-то законченным, она рождалась спонтанно на крутых поворотах революции под действием событий и обстоятельств. Об общей, а тем более единой платформе говорить можно лишь условно, ибо приходится учитывать разную природу левых течений. Скорее речь может идти об определенной системе взглядов на характер, цели, задачи русской революции, ее движущие силы, решение кардинальных революционных вопросов.

Говоря об истоках левосоциалистической платформы, следует учитывать те объективные и субъективные обстоятельства, которые влияли на ее формирование. Важнейшее из них — радикализация народных настроений под влиянием нерешенности жизненно важных проблем, затягивания реформ и продолжения войны. Существенное влияние на левых социалистов оказала идеология и практика большевизма. Не случайно на местах даже политики не делали принципиальных различий между большевиками и левыми социалистами. Очень существенную роль в формировании взглядов левых сыграли местные теоретики, принимавшие решения и делавшие вполне самостоятельные выводы исходя из революционной практики.

Формирование идейно-политической платформы левых социалистов прошло два этапа. Рубежом при этом стали октябрьские события 1917 г. Социалистическая перспектива, переход всей полноты власти к Советам, интернационализм цементировали коалицию леворадикальных сил. После октября 1917 г. происходит кристаллизация основных положений левосоциалистической платформы, которая постепенно оформлялась как альтернатива большевистскому курсу во внутренней и внешней политике. Весной 1918 г., после Бреста, уже можно говорить об оформлении левосоциалистической альтернативы, обращенной на изменение политики Совнаркома. Левые социалисты острие своей критики направляли не столько против большевиков, большевистской партии, считая ее одной из ведущих сил социального переворота в России, сколько против конкретных носителей этой политики — «народных комиссаров», по их мнению, оторвавшихся от действительности, диктующих свою политику в городе и в деревне.

Левые социалисты много писали и говорили о русской революции, ее характере, задачах и движущих силах. При всех различиях левые социалисты сходились в признании двух основных положений: во-первых, русская революция не может ограничиться политическими задачами, она носит прежде всего социальный характер, во-вторых, революция в России — пролог социальных потрясений во всем мире, нового социального порядка, наступающего в результате мировой революции. Левые социалисты дали свою расстановку социально-классовых сил в русской революции, особенно в деревне. Достаточно стройными представляются идейно-политические взгляды эсеров-максималистов, их концепция Трудовой республики, которую они рассматривали как «преддверие социалистического строя» в России. Особенно интересна трактовка левых социалистов о полновластии Советов. Советы рассматривались ими как наиболее эффективный инструмент разрешения социальных задач революции, приводные ремни которого уходят в массы трудового народа. Они очень болезненно реагировали на усиление пролетарской диктатуры в Советах, ущемление прав крестьянства. Имелись серьезные противоречия в трактовке роли Советов в русской революции между большевиками с одной стороны и левыми эсерами и максималистами с другой. Максималисты являлись наиболее последовательными сторонниками

полной департизации Советов, ликвидации фракционности в них. Советы максималисты называли «наиболее чистым воплощением воли труда», «наиболее чистым отражением воли труда»[1]. Левые эсеры стремились изменить саму систему выборов в Советы, чтобы крестьянство могло получить в них достойное представительство. Различия касались организации и механизма функционирования советских органов в тот момент, когда Советы оказались у власти.

Левые социалисты имели свои позиции по кардинальным вопросам революции: о войне и мире, аграрном, продовольственном, национальном, социалистических преобразованиях. Оценивая их сущность, можно констатировать, что это были альтернативные предложения левоцентристского толка, призванные вывести страну как из тупика коалиционной власти в 1917 г., так и возможной диктатуры левого толка в 1918 г.

Первый крупный конфликт в большевистско-левосоциалистическом блоке вспыхнул весной 1918 г. по вопросу о том, какой должна стать Советская власть, как она будет функционировать. Бой по этому вопросу дали большевикам эсеры-максималисты. Центром событий стала Самара. На VI Самарском губернском съезде Советов в марте 1918 г. решающее значение приобрел вопрос об организации советской власти и конструкции губисполкома. Максималисты попытались объявить съезд учредительным, неразъезжающимся, чтобы его делегаты объявили себя властью трудового народа и сформировали все органы власти в губернии. Но делегаты отвергли это предложение, хотя резолюция о власти, предложенная максималистами, съездом была принята. Съезд поддержал максималистов в вопросе лишения политических партий решающего голоса на съезде. Протесты большевиков были отвергнуты. В вопросе о численности губисполкома делегаты вновь поддержали максималистов. Съезд решил, несмотря на протест большевиков, организовать губисполком из 125 человек. Крестьяне получали 83 места, рабочие — 42. Большевики оценили это решение как «печальное политическое недомыслие», как похороны пролетарской диктатуры в Самарской губернии. Максималисты не ставили своей целью ущемить права рабочих, они стремились к тому, чтобы в губисполкоме было пропорциональное представительство классов трудового народа. Но большевики не смогли с этим смириться, хотя В. В. Куйбышев заявил, что они не будут настаивать на ультимативности своих требований и начнут работать в губисполкоме в контакте с трудовым крестьянством[2].

В начале апреля 1918 г. состоялись выборы нового состава губисполкома. Максималисты, блокируясь с беспартийными крестьянами и частью левых эсеров, обеспечили себе большинство. Большевики, «потеряв» контроль над губисполкомом, превратили Самарский горсовет в оплот борьбы с «анархомаксимализмом», а фактически в параллельный орган власти. Весь апрель продолжалась борьба за губисполком и исполнительную власть. Максималисты стремились организовать «истинную Советскую власть». С этой целью началось создание коллегий комиссариатов по территориальному принципу

(каждая из 9 чел.: 7 крестьян от уездов и 2 рабочих от Самары), которые были призваны заменить комиссарский произвол. Кооптации были запрещены. Большевики потеряли контроль над президиумом губисполкома. В него были избраны максималисты, левые эсеры и беспартийные. Председателем Самарского губисполкома стал максималист А. Я. Дорогойченко.

Большевики саботировали новый орган, не могли смириться с потерей своей партийной монополии в губисполкоме. Начался кризис исполнительной власти. Самарские большевики решили начать непримиримую борьбу с «анархо-максимализмом». В специальном письме Самарского губкома в ЦК РКП(б) говорилось, что максималисты «разрушают советскую работу», «Самара стоит перед возможностью объявления губернии максималистской республикой» и просили центр о помощи[3].

17–19 мая 1918 г. в Самаре произошли события, известные в исторической литературе как «анархо-максималистский мятеж». Нами были впервые подробно исследованы эти события на основе широкого круга источников и сделан вывод, что никакого мятежа против Советской власти в Самаре не было. Всё произошедшее явилось следствием давно назревавшего конфликта между революционными отрядами и большевистским горисполкомом. Когда из Бузулука в Самару пришла телеграмма о новом выступлении уральского казачества, большевики в горисполкоме, игнорируя решение губисполкома о создании Чрезвычайного военно-революционного штаба (ЧВРШ), создали свой чрезвычайный штаб, чтобы перехватить в свои руки инициативу борьбы с «дутовцами» и закрыли вход в него представителям от губисполкома и революционных отрядов. Губисполком делал попытки достичь компромисса, но они оказались тщетными. Большевики не желали видеть в составе своего штаба «анархо-максималистские элементы». Неумелые действия большевистского штаба, в частности проведение в жизнь приказа о мобилизации лошадей у извозчиков, привели к выступлению против «комиссародержавия», в котором приняли участие разные силы. Это было стихийное выступление против политики большевиков. Попытки контрреволюции воспользоваться моментом были пресечены. В ходе действий революционных отрядов большевики оказались в изолированном положении. Губисполком выступил в роли посредника между «восставшими отрядами» и чрезвычайным штабом. Большевики объявили о начале контрреволюционного мятежа в Самаре и 18 мая, опираясь на помощь центра, перешли в наступление на «мятежников». Они разоружили засевшие в гостиницах отряды матросов, не оказавшие сопротивления. Подверглись арестам максималисты, анархисты. Пользуясь случаем, самарские большевики завершили операцию против «анархо-максималистов» в свою пользу. Таким образом, фактически «анархо-максималистский мятеж» оказался провокацией большевиков.

20 мая 1918 г. Самарский губисполком был разогнан. Большевистский губревком взял в свои руки всю полноту власти. Ликвидация неугодного губисполкома — высшего органа власти Советов — явилась первым прецедентом

такого рода в Советской России. Самарская организация максималистов фактически была разгромлена. Так закончилась попытка максималистов на практике осуществить лозунг «Власть Советам, а не партиям».

Второе крупное столкновение большевиков с левыми эсерами произошло в конце весны — летом 1918 г. и было связано с решением продовольственного вопроса. И вновь следует обратиться к Поволжью, где блок большевиков и левых эсеров был очень тесным. Партии сотрудничали по всем направлениям, часто на паритетных началах формировали советские структуры, весь аппарат управления. Фактически на местах складывалась двухпартийная система советской власти. В Поволжье она приобретала весьма устойчивый характер.

Совнарком майскими декретами, как известно, ввел продовольственную диктатуру, сделав ставку на чрезвычайные меры по добыче хлеба, направив усилия на раскол деревни, посылку туда продотрядов и организацию комбедов, предоставив Наркомпроду чрезвычайные полномочия. Левые эсеры также выступали за чрезвычайные меры, но подразумевали иное содержание. Они предлагали не воевать с крестьянством, а создать такую обстановку, чтобы само трудовое крестьянство через органы советской власти взяло хлеб у кулаков. Председатель Казанского крестьянского губисполкома левый эсер К. Ю. Шнуровский предлагал ввести «вольные цены» на хлеб, отказаться от «продовольственного доктринерства», склонялся к введению рыночных механизмов добычи хлеба. Губисполком повысил цену на хлеб. Казанская губпродколлегия, находившаяся в руках левых эсеров, руководствовалась в своих действиях решениями губисполкома. Наркомпрод обвинил Казань в саботаже декретов центра. В дело вмешался В. И. Ленин и направил в Казань продовольственную экспедицию во главе с Д. П. Малютиным, чтобы пресечь «мелкобуржуазные шатания».

Казанские левые эсеры продолжали свою продовольственную политику. Они понимали, что избранный ими курс «рождает капитализм», но всё же на этом этапе предпочитали гражданской войне в деревне допущение «рыночной стихии». Они не пренебрегали интересами беднейшей части населения. В отношении бедноты они планировали принять ряд социальных гарантий, чтобы накормить ее и совместно с трудовым или средним, по терминологии большевиков, крестьянством взять у сельской буржуазии хлеб. Вовсе не исключались и вооруженные меры принуждения. Такая продовольственная политика дала в Казанской губернии некоторые реальные результаты, хотя выполнить всё намеченное оказалось делом сложным. Центр отстранил от дел губпродколлегию. В специальном листке, выпущенном 21 июля 1918 г., левые эсеры сообщали, что «дело продовольствия большевики силой отняли у нас»[4]. Интересно, что местные казанские большевики поддерживали продовольственный курс левых эсеров, который озвучили А. Л. Колегаев, бывший нарком земледелия, и К. Ю. Шнуровский. Политику Наркомпрода они считали прямым поощрением Гражданской войны, уже полыхавшей в Поволжье с выступлением Чехословацкого корпуса.

Кульминацией советского блока левых партий стали июльские события 1918 г. в Москве, когда ЦК левых эсеров после провала попытки изменить политику СНК на V Всероссийском съезде Советов прибег к вооруженным акциям. В Поволжье, как, впрочем, и в других регионах, действия ЦК ПЛСР не были поддержаны, за редким исключением. В Казани имел место «казанский бунт» против большевиков центра. Своеобразие ситуации в Казани состояло в том, что здесь левые эсеры сначала вместе с большевиками осудили действия ЦК ПЛСР. Но в результате опубликованной в большевистской прессе Казани откровенной клеветы на всю партию левых эсеров среди них началось размежевание. Во главе радикальной группы встал Н. П. Пономарев. Шнуровский потерял контроль над губкомом и горкомом ПЛСР. А. Л. Колегаев заявил о своей непричастности к мятежу и заверил лично В. И. Ленина в своем отрицательном отношении к политике ЦК ПЛСР.

В середине июля 1918 г. сторонники Н. П. Пономарева овладели ситуацией, стремились заручиться поддержкой в советских органах. Казанские большевики присоединились в своих оценках к центральной власти. В их рядах вновь взяли верх радикалы, державшие курс на полное устранение левых эсеров от власти. Как сообщала большевичка О. И. Гребенева, Казанский комитет РКП(б) принял решение о прекращении деятельности «левоэсеровского гнезда» — губернского Совета крестьянских депутатов[5]. Крестьянский губисполком поддержал линию Пономарева. Большевики получили дополнительный козырь в борьбе с левыми эсерами, заявив о подготовке ими «бунта» против Советской власти. Большевики покинули губисполком, заявили о слиянии рабочей и солдатской секций Казанского Совета. 16 июля они объявили о роспуске губисполкома, пытаясь лишить левых эсеров властных полномочий.

В сложившихся условиях казанские левые эсеры стремились дотянуть до V Губернского крестьянского съезда, с тем чтобы заручиться поддержкой крестьян. Большевики с тревогой ожидали этого съезда, но не смогли воспрепятствовать его открытию. 3 августа 1918 г. съезд начал свою работу. Антибольшевистские настроения среди делегатов явно преобладали.

В Москве бдительно следили за развитием событий в Казани, опасаясь превращения ее в оплот левоэсеровской оппозиции. Это и решило судьбу съезда. Он был распущен. По свидетельству Л. Р. Милха, решение о роспуске последовало от наркома внутренних дел Г. И. Петровского[6]. Многие делегаты были арестованы. Правда, разгон съезда по команде из Москвы в какой-то мере оказался неожиданным не только для левых эсеров, но и для части казанских большевиков. Даже Милх признавал, что разгон съезда «ослабил нас перед приходом чехов»[7]. Таким образом, никакого «контрреволюционного антисоветского мятежа» в Казани не произошло. Так называемый «казанский бунт», о котором объявили большевики, призван был дискредитировать казанских левых эсеров, попытавшихся отстоять свою линию во внутренней политике, опираясь на общегубернский крестьянский съезд. Бескомпромиссная линия централь-

ной большевистской власти, к которой присоединилась наиболее радикальная группа казанских большевиков, взяла верх.

Угроза Казани вновь объединила большевиков и левых эсеров. Но силы последних уже были незначительными. 8 августа 1918 г. город был взят войсками Комуча.

Так завершилась история казанского блока советских партий — большевиков и левых эсеров. Большевистский центр сыграл при этом особую роль. Левые эсеры попытались противопоставить политике центра свою программу действий, свои варианты решения социально-экономических и политических проблем в Советской России.

Итак, левыми социалистами была предложена своя, левосоциалистическая альтернатива, носившая по своим основным параметрам левоцентристский оттенок. Накануне октября 1917 г., и особенно после него она развивалась как альтернатива внутренней и внешней политике большевистского правительства. Многие ее положения принципиально отличались от большевистской стратегии и тактики и оформились в более-менее стройную программу действий.

Весной 1918 г., по мере укрепления советской власти в отношениях между левыми социалистами и большевиками появлялось всё больше разногласий. Они не носили непреодолимый характер. Но при обострении социальных противоречий в стране, разочаровании населения итогами октябрьского переворота и усилении Гражданской войны идейно-политические разногласия в ряде случаев стали приобретать основополагающий характер. При этом партийные амбиции, стремление продиктовать свои условия сыграли определяющую роль в расколе левого блока. Катализатором стал вопрос о власти. Стремление левых социалистов осуществить ее передвижку во имя спасения идеалов социальной революции вызвало яростное сопротивление большевистского центра. Лозунги левых о полновластии Советов и придании им того изначального содержания, о котором в свое время говорили и большевики, были восприняты правящей партией как покушение на диктатуру пролетариата, как мятеж против советской власти. Считая себя олицетворением подлинного народовластия, большевики объявили своих вчерашних союзников пособниками внутренней и международной контрреволюции и объявили им войну. Левые социалисты никогда не стремились отсечь большевиков от Советов, лишить их властных полномочий, ибо считали их одной из главных сил социальной революции. Они наивно полагали, что правящая партия осознает свои ошибки и внесет коррективы в политический курс. Но этого не произошло. Самарский кризис весной 1918 г. продемонстрировал, что большевики не намерены поступаться своей партийной монополией в Советах и не остановятся даже перед возможностью роспуска неугодных Советов и их исполкомов, которые попытались противопоставить усилению партийной власти решения, отвечающие интересам трудового крестьянства. Разгон Самарского губисполкома показал, что правящая партия монополизирует весь аппарат советской власти, превращая

Советы в орган своей партийной диктатуры. В Казани повторилось то же самое. Роспуск крестьянского губисполкома и V Губернского съезда крестьянских депутатов свидетельствовал о приближении однопартийной диктатуры. События на Волге означали крупный шаг в эволюции политического строя Советской республики в целом. Чрезвычайные меры весны–лета 1918 г., принятые Совнаркомом, превращались в систему. В ряде губернских и уездных центров Поволжья (Саратов, Пенза, Симбирск, Астрахань) имела место попытка местных большевиков сохранить сложившийся блок левых сил в условиях начала Гражданской войны на Волге, закрепить двухпартийную систему советской власти. Но центр квалифицировал ее как проявление местного сепаратизма и уступку «мелкобуржуазной анархии» и сделал всё, чтобы такая перспектива не стала реальностью. Элементы становления двухпартийной советской системы, получившие апробацию на местах, были разрушены.

Трагедия левых социалистов состояла в том, что их альтернатива не дала и, очевидно, не могла дать в той ситуации мгновенных результатов. Чрезвычайные меры в трактовке большевиков одержали верх. Гражданская война их закрепила. В условиях острого противоборства политических сил многие левые социалисты присоединились к большевистскому курсу, что еще раз подтвердило общность их конечных целей. Итоги этой политики для страны оказались поистине разрушительными. В политическом отношении Советская Россия к середине лета 1918 г. уже прошла значительный отрезок на пути к однопартийной диктатуре.

---

1 Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 136. Оп. 1. Д. 24. Л. 104.
2 Курьер (Самара). 1918. 27 марта.
3 Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б)–РКП(б) с местными партийными организациями (март–июль 1918 г.): Сб. док. М., 1967. С. 211.
4 Знамя революции (Казань). 1918. 23 июля.
5 Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 30. Оп. 3. Д. 233. Л. 102.
6 *Милх Л.* Партийная и советская Казань до чехов // Борьба за Казань. Казань, 1924. С. 18.
7 Там же.

References

BOGUSH E. YU., SHCHELCHKOV A. A. *Politicheskaya istoriya Chili.* [Political history of Chile]. Moscow, 2009.

BORDYUGOV G. A., KOZLOV V. A. *Istoriya i konyunktura. Subektivnye zametki ob istorii sovetskogo obshchestva.* [History and conjuncture. Subjective notes on the history of Soviet society]. Moscow, 1992.

BURGANOV A. KH. *Byla li vozmozhnost' sozdaniya demokraticheskogo pravitel'stva posle Oktyabr'skoi revolyutsii?* [Was there an opportunity to create a democratic government after the October Revolution?] // Otechestvennaya istoriya. 1993. N 5. S. 25–38.

GERASIMENKO G. A. *Sud'ba demokraticheskoi al'ternativy v Rossii 1917 goda i rol' ee liderov.* [The fate of the democratic alternative in Russia in 1917 and the role of its leaders] // Voprosy istorii. 2005. N 7. S. 3–22.

GUSEV K. V. *K voprosu o demokraticheskoi al'ternative Oktyabrya.* [To the question of a democratic alternative] // Oktyabr'skaya revolyutsiya: Narod ee tvorets ili zalozhnik? Moscow, 1989. S. 30–41.